

Входная дверь приятно скрипнула, и мягко зазвенели китайские колокольчики. Пальцы, клацавшие по клавиатуре, замерли на секунду.

– Здравствуйте.

Клацание продолжилось. Скучающие лица моих работников отвернулись от входа. Я открыл ящик стола, достал очередную папку с приложенной к ней иглой.

– Стул напротив, – Чарли не отрывался от монитора, только слегка скосил глаза, для приличия.

Приняв рабочую позу, я предельно дружелюбно указал посетителю на стул. Утруждать себя улыбкой не стал, все равно только испугает.

– Я точно туда попал? Просто мне говорили...

Мне нестерпимо захотелось ударить ладонью по столу, а потом перевернуть его к чертовой матери (очень милая женщина, так что не хо-

телось бы ее обидеть этими строками). Но я сдержал порыв и, протяжно выдохнув, утвердительно кивнул. Почему их всех так удивляет интерьер в стиле хай-тек? Неужели падший ангел должен обложить себя козлиными головами, перекрасить стены в черный и облить девственной кровью? Ну, бред же. Клиент помялся ещё немного и всё-таки решился присесть.

– Вы знаете, – «конечно, я не знаю, я ведь не оракул», – у меня проблема, которую не под силу решить никому, кроме вас.

– Вот ваш типовой договор и иголочка – расписываемся мы кровью, – я всё-таки улыбнулся, оголив заострённые клыки и черные десны. Роспись кровью – чистейшей воды фарс, но на людей действует безотказно.

– Игла стерильна?

– У меня нет желания искалечить вас, пока вы нам платите, – абсолютная правда, моей целью была только экономия времени. Меня сослали на землю в середине девятнадцатого века, и вы даже представить себе не можете, как полегчало, когда даже заклад души стал возможен при помощи одной папочки. (Но это был уже не типовой договор).

Клиент ломался: его руки мелко подрагивали, значит, извилины активно шевелились.

– Когда вы въехали в этот офис?

– Когда аренда в «Палацца Веккью» стала слишком дорогой.

Я не уточнил, в каком году плата подскочила, так что его лицо не вытянулось. Но, кроме удивления, у мужичка хватало эмоций – их был целый ураган. Кровь давала нужный эффект, доставляя невероятное удовольствие не только мне, но и всем в офисе.

– Я бы справился и сам, – абсолютная ложь.

– Что же, – изобразив расстройство и добавив капельку разочарования, я потянулся, чтобы убрать папочку.

– Нет!

На листик с подписью тут же упала пара красных капель. Я щелкнул пальцами, и папка исчезла со стола. Фокус всего лишь, потому что реальной магии и прочих способностей меня лишили, пинком выгоняя из рая.

– Теперь поговорим о вашей проблеме в деталях.

Клиент вытер вспотевшие ладони о брюки и, дернув носом, словно суслик, начал.

– Меня обманули, – помолчав, глядя мне прямо в глаза, потом сорвался на фальцет, – хоть формально все было соблюдено, но на деле это грязная афера!

Типичная ситуация. К нам обычно такие и приходят: богатые сус-

лики, которые сами сделать ничего не могут. Они бы и не пошли, если бы сверху не садились мама, теща, жена, брат или кто-либо другой, имеющие более прочный хребет. Не самые приятные клиенты. Есть, конечно, и те, кто по комнате с шашкой наголо прыгают и требуют проклясть всю семью обидчика за косой взгляд. На этот счет у нас в договоре прописана статья «Око за око». Большинство не смотрят.

– А можете уточнить, кто именно вас обманул? – я сделал участливое лицо, всем видом показывая, что размышляю над проблемой.

– Я не знаю.

– Вас не учили не разговаривать с незнакомцами?

– Я имел в виду, что не знаю этого человека лично, я вышел на него через посредников.

– За поиск человека следует доплата, но счет после, сейчас переходим к сути.

– Да-да, – лицо его вдруг посерьезнело – Он убил моих жену и детей.

– Так-так, – я взял со стола ручку и принялся крутить ее в руке. Дело намечалось интересное. Влетит коммерсу в копеечку? Безусловно. Но не это главное. С подобного рода ситуацией к нам обращались очень давно. Нет ничего веселее, чем отомстить за подобного рода проделку. Вы слишком молоды, чтобы меня осуждать, – продолжайте.

– Он сказал, что всего лишь выполнил часть договора и больше не выходил на связь.

– Что за договор? – ручка замелькала в пальцах, а зрачки превратились в две маленькие щелки – верный признак моей заинтересованности.

– Я попросил, чтобы ничто не мешало моему бизнесу, а вскоре вся семья погибла в аварии, моя любовница сбежала с моим партнером по бизнесу, и телевизор сгорел.

Я барабанил ручкой по стулу и гладил языком зубы. Почувствовал на себе скользкий взгляд.

– Чарли, мелкий бесенок, кончай на меня пялиться! – я швырнул ручку в чертика за компьютером, тот успел закрыть красный глаз на затылке. Тоже предвкусает.

– Вы решите эту проблему?

– Безусловно, – я не смог сдержать себя от улыбки, – за две с половиной тысячи евро, пятьсот из них сейчас.

Суслик неожиданно быстро достал из кармана кошелек и выудил купюры. Он шлепнул ими об стол вместе с фотографией какого-то человека и направился к выходу.

– Кто это?

– Посредник, с которым я разговаривал.

Дверь нежно закрыли. И весь офис слышал, как зашлепали от бега по мостовой его туфли. Над такими мы уже давно не смеемся. Надоели.

Фотография перекочевала из моих рук на стол к Федерико. Чарли получил от меня лишь средний палец, пусть дальше ищет обиженных богачей в интернете.

– Пробей этого мальчика и позвони мне, я сразу заеду к нему.

– Одни?

– Нет, видишь, я беру манускрипты.

Я схватил с вешалки свое пальто, положил пару свитков во внутренний карман, посмотрелся напоследок в зеркало. Я уже говорил, что сослани меня в девятнадцатом веке, в 1870 году, если быть точным. Внешность мне разрешили выбрать самому. Я открыл макеты и выбрал ту, на основе которой потом сделают Феликсу Дзержинскому. С революционером мы не пересекались, поэтому по сей день считаю, что это не самый худший вариант. Загуглите, убедитесь сами. Только учитывайте, что были мы не точь в точь: лицо мое было чуть шире, а сейчас, может, и похудело. Усталые глаза запали, под ними появились едва заметные синяки. Нос у Дзержинского явно проработали лучше, но я не жалуясь. Бороду я сбрил, усы оставил. Я не старел, поэтому остался в теле двадцатипятилетнего парня, но, в любом случае, я нечасто смотрелся в зеркало, а люди, которые мельком видели меня, тут же забывали. Так сделали, чтобы ссыльным проще жилось. Но клиенты запоминали отлично, иногда даже испуганно пялились на меня где-нибудь на улице, привлекая внимание. А я все равно люблю, когда к нам приходит клиент из Италии. Эпоха цифровых технологий подарила нам возможность раскинуть сети по всему миру. От Нью-Йорка и до Владивостока находились люди, отчаянно желавшие отомстить, готовые ради этого даже оплатить билет на самолет. Но с чудесным итальянским воздухом ничто не могло сравниться.

Прямо возле нашего офиса стояла кофейня. Небольшое заведение на пару столиков, источающее дивные ароматы молотого здесь же кофе. Я думаю, что мы заслужили такое соседство. Возле нас много всякого за прошедшие годы случалось. Забавно, что целое столетие никто не замечал нашей непоколебимой конторки, а она все стояла и стояла, исправно выполняя заказы. За вечер мы ломали колени водителям, сбившим начинающего волейболиста, вызывали порочных демонов, чтобы наставить рога барону, наставившему их своему другу. А вот за семьи мы не брались давно. «Все равно эти деньги кто-то запятнал в крови до нас». Это была наша присказка в расчетный день.

Я пересек по диагонали площадь с Санто-Мариа-Дель-Фьоре.

Проталкиваясь между туристов с проворностью нашкодившего подростка, я хотел уйти как можно быстрее. Собор смотрел за мной. Я это точно знал: из всей толпы он заинтересован только мной, предупреждая правонарушения законов божьих. По спине скакал холодок, конечно, я боялся, но моя любимая кафешка находилась на той стороне. Что же поделаешь? Телефон до сих пор не вибрировал, а значит, у меня есть время посидеть, наслаждаясь очередным неповторимым днем моей счастливой ссылки. Я скрылся за углом, собор отпустил меня: чувствовалось, что с большой неохотой. Продолжая скользить по улочкам с брусчаткой, я все же бросал робкие взгляды на гигантский купол, возвышающиеся над домами, источая великолепие. Я влюбился в него сразу, как приехал в этот чудный город. Глядя на него, я скучал по тому, что было со мной там...

Официантка на роликах улыбнулась мне и протянула меню. Она выглядела мило, так что я решил не отвечать ей. В прошлый раз ко мне подходила страшненькая, заставив изображать из себя Чеширского кота. Нельзя же лишать себя маленьких радостей. Я бывал здесь невероятно часто, но они не запомнили меня – специфика. Это была бургерная, оформленная в стиле Америки шестидесятых. Этот период я застал, поэтому был чуть ли не монополистом на ностальгию по тому времени. Сидя в похожем заведении в Далласе, я гадал, что буду делать один на ядерном пепелище. Теперь я думал о том, что бургеры стали чуть менее вкусными, но все равно достойными. Я обсасывал пальцы и скрипел трубочкой по донышку стаканчика, когда экран телефона наконец-то загорелся новым сообщением.

– Я же просил звонить! – я кинул на стол пять евро и, на ходу надевая пальто, читал, где работает этот связист.

«Теперь пора и за дело». Костяшки пальцев захрустели в такт моим шагам. Убивать его нельзя – бить можно. По-любому грешник. Свитки во внутреннем кармане приятно грели, развеивая осеннюю промозглость. Они всегда так реагировали, когда у кого-то намечались неприятности.

Посредника этот неизвестный колдун подобрал хорошо. Мальчишка в черном худи, джинсах и разбитых кроссовках, за спиной рюкзак; вот он похохотал с друзьями, чмокнул на прощание какую-то девчонку и, вкрутившись в толпу, сразу в ней потерялся. Такой внимание привлекать не будет – слишком уж он жизнерадостный для шпионажа на чернокнижника. Ловко кружась между чужих плеч и портфелей, я хищно выискивал нужную фигурку в толпе. Он был буквально частью потока, потому двигался невероятно быстро и в то же время размеренно. Если я потеряю его сейчас, то придется ждать до понедельника, потому что ребятам удалось вычислить только его школу. Кто-то планомерно чистил данные о маль-

чишке. Невероятно исполнительный магик. Пришлось доставать пергамент и разворачивать под пальто, как пакетик с травкой. По брюкам вниз сползло тонкое черное тельце. Я наклонился, делая вид, что хочу завязать шнурок, и шепнул утолщению, напоминая голову: «Мальчишка в черном худи». Черная молния бросилась между ботинок и туфель на поиски своей жертвы. Свиток в моем кармане рассыпался в прах, очень жаль, что они одноразовые.

Мальчонка дернулся. Он, конечно же, не может видеть, как узкая черная полоска впилась ему в пятку, чтобы оттуда забраться выше. Ему просто кажется, что пятка заболела ни с того, ни с сего. Поползуха (это Чарли придумал) добралась уже до колена, потому что мальчик скрючился и тяжело привалился к стене. Его глаза, как прожекторы, завертелись в орбитах в разные стороны. Я, поправив воротник пальто, неумолимо приближался к нему. Туфли звонко стучали, на лице заиграла улыбка, пока паренек не достал из кармана очки. На мгновение взгляд его стал осмысленным, а потом на лице заплескали ужас и паника. Теперь он видел, от чего вдруг прихватило ногу, поэтому вскинул голову и впился в толпу, как его научил маг, в поисках хозяина демоненка.

Скрываться не было смысла (в этих очках он увидит, что над моей головой красуется тлеющий нимб), расталкивая прохожих, я побежал за ним. Выпятив нижнюю челюсть и прикрыв глаза от боли, он быстро, насколько мог, дал деру. К его несчастью, про очки он вспомнил поздно, видать невнимательно слушал учителя, Поползуха уже кусала его за бедро, и через несколько минут я догнал его. Схватив его за ухо, я виновато улыбнулся прохожим, лепеча про непослушных детей, подгоняя хромого к ближайшей подворотне. Темных закоулков во Флоренции много, за это и люблю ее – работать удобно.

Я вжал его в стену, он умудрился выудить из кармана склянку со святой водой и попытался огреть меня по лицу. Я перехватил руку и яростно разбил бутылек об его же голову. Мальчишка с плаксивым «ой» осел на землю, пока я размахивал рукой в воздухе, стряхивая капли, которые жгли и кололи кожу. Потом я снова поднял его так, чтобы ноги не касались земли.

– Как зовут, парень?

– Джованни.

– Что еще в карманах?

– Ничего, – он пролепетал это слишком быстро и испуганно.

Я обхлопал его. Телефон был брошен на землю и раздавлен каблучком под сдавленный вздох Джованни. Последняя сигарета из пачки отправилась мне в рот, я элегантно поджег ее пальцем. Небольшой водяной

пистолет и игральную кость я просто выбросил за спину.

– В футбол играешь?

– Нет.

– Это хорошо, – я запустил руку в карман и вытащил кастет с наконечниками из перевернутых крестов. Прицелился в коленку, где сидел демон. Прохрустели кости, в жгучей судороге дернулась нога, Джованни взвыл от боли, закусывая губу до крови и проливая каскад слез. Я перебрал пальцами на кастете; из кровоточащих ран вылилась разжиревшая Поползуха и беспомощно забилась на тротуаре.

– У тебя два варианта. Первый – ты из благодарности за освобождение от этого отвечаешь на все мои вопросы. Второй – я вытащу из тебя по старинке.

Мальчик обвис на руке.

– Второй выбираешь?

Он кивнул, продолжая пускать слезы по щеке и шмыгать носом. Моя рука чуть ослабила хват. Я склонил голову. Зрачки, сузившиеся в неконтролируемой ярости, приняли естественное положение. «Сам виноват». Перевернутые кресты разрезали сначала воздух, а потом худи. Я наподдал еще раз за попытку покушения.

– Кто твой наниматель?!

Молчание. Я ударил по бедру. «Чем ему пригрозили?»

– Мне не нужны ни адрес, ни место работы. Только имя.

Отрицательное качание головой. Я ударил в грудь, так что он выплюнул на мое пальто кровавые сгустки, но потом сразу стиснул зубы.

– Говори имя, ублюдок, – я взревел и провел целую серию ударов в его живот, завершив ударом боковой стороны ладони в висок. Густая шеллура моментально слиплась от крови. Я тяжело дышал, пальцы ужасно затекли.

– Филипп, – мальчик хрипел, булькая внутренностями, и улыбался.

Я опустил его на землю и услышал за спиной выстрел.

Пуля отскочила от невидимого барьера вокруг моей головы, рассыпался в кармане еще один свиток. В проеме подворотни стоял щуплый парень чуть старше моего Джованни. На нем были белая рубашка, черные брюки с подтяжками, натянутыми как струны, и высокие солдатские сапоги. В руке без пистолета он зажал между указательным и средним пальцем пульсирующую игральную кость.

– Филипп, он...

– Разберемся, – парень выгнул бровь над солнцезащитными очками и, самодовольно надув пузырь из жвачки, опять прицелился мне в голову.

Я вспомнил старьёй мультяш, где джентльмен в цилиндре говорил своему помощнику: «Живи под девизом: «Готовься к сюрпризам». Последний свиток в моем кармане не был рассчитан на перестрелку, но надо было что-то придумать. Быстро. Я плавно повел руку с кастетом во внутренний карман, другую поднимал вверх, показывая, что готов сдаться. Подтяжечник не обращал внимания на предупреждающее мычание Джованни и только улыбался все шире: пленных они не брали.

Я развернул пергамент и мгновенно присел. Пуля ушла в черную пустоту, где и содержится демон любого ранга. Вторую он выпустил в жука-носорога, вылетевшего из свитка. Обычное устройство для прослушки из мира демонов, но он-то об этом не знал. Я зловеще захохотал, нагоняя страху, и, двинув ногой по зубам лежачему, бросился к другому концу подворотни. Что-то больно прожгло кожу под моим воротником и потекло вниз, обдирая ее. Я выхватил из-под пальто отскочившую пулю, из которой вытекала ртуть. Освященная ртуть. Я вылетел на широкую улицу и замахал руками, подзывая такси. Через заднее стекло было видно, как из подворотни выскочил Филипп, потерявший очки и самодовольную ухмылку. Теперь улыбнулся я. В руках, проплавливая кожу до мяса, у меня лежал патрон с начинкой, а это всё-таки улика. А я отчаялся выбить хоть что-то из парнишки. Хорошо, что не вышиб дух.

Я не стал тратить время для визита в офис. Слезающая кожа сильно зудела, но я совершенно точно знал, что земные болезни мне нипочём, а значит, никакого заражения. К тому же рабочий день еще не был окончен, в конторе разберутся и без меня. Я ехал к Костику. Этот русский перебрался сюда в девяносто первом году. Молодой дерзкий поп, прихвативший из своей церкви все, что плохо лежало, и открыл небольшую частную лавочку прямо у себя на дому. Устроившись в церковную библиотеку, Костик тырил и оттуда. И вот однажды в руки ему попала занятная книженция. Стреляя в охапку оставшиеся ценности, он принялся маниакально производить талисманы, обереги, а потом и оружие против нежити. Дело пошло в гору, пошли и деньги. Хитрец открыл ломбард в другом конце города, где принимал религиозные безделушки. Товар на любителя, но таких любителей везде предостаточно. Например, чернокнижник, снабжающий своих подопечных освещенными пулями и бомбами с церковной водой. Наши с Костиком отношения всегда болтались между деловыми и натянутыми: я всё-таки нечисть, которая творит непотребства, а из его оружия на меня пару раз покушались. Однако он неохотно делился информацией, а мы в качестве исключения предоставляли наши услуги без заключения типового договора.

Я попросил остановить возле неприметной серой двери, зажа-

той меж двумя пиццериями. Такая же серая вывеска гордо гласила «dio gioielli»¹. Конспирация высший класс, кому такое вообще понадобится? Хотя мне рассказали, что пару раз через черный ход оттуда выносили упавших в обморок верующих дев.

Я открыл дверь. Колокольчиков не было. Я прекрасно понимал бедных девушек. С подобной надписью совершенно не ожидаешь увидеть двух монахов в респираторах, которые, сгорбившись над перегоночным аппаратом, фанатично шепчут молитвы над капающей в револьверные пули ртутью. На стенах были развешанные заточенные распятия, знакомые мне бомбочки, полусгнившие конечности на цепочках. На «стене славы» возле входа висели гаранты качества – фотографии, изображавшие убитых демонов и пару одержимых. На толстых носах у служителей церкви сидели очки, которыми Костик снабжал всех желающих. Они перегородили мне дорогу и что-то пробурчали через респираторы.

– Костик здесь?

Один из монахов сбросил капюшон и респиратор.

– Я же говорю, что занят!

– Есть дело на пятьсот евро.

Костик переглянулся с подельником, тот одобрительно кивнул и меня повели в «комнату за шторами». Здесь Костик хранил настоящие сокровища: вывезенные контрабандой иконы, которые превратятся в святые дротики, на станке лежал кусок золотого купола, (такие купола не достать в Европе, так как там не практикуют подобного рода архитектуру) готовящегося стать партией кастетов. Если б он захотел, он бы убил меня прямо здесь. Мы уселись за грузный дубовый стол, под стать хозяину. На нем не лежало ничего, кроме кассы и Библии. Две вещи в двух разных концах стола.

– Я просил назвать меня Константин, – он чинно поправил рясу и связал пальцы узлом.

– Ох уж мне этот две тысячи пятый, – я не стал нервировать его «ангельской улыбкой» и, наклонившись чуть вперед, щелкнул об стол сплюсненной пулей, – только ты делаешь такие.

– Да.

– Кому ты их поставляешь?

Он шмыгнул носом и укоризненно покачал головой.

– Ты кина американского насмотрелся что ли? Половине города хоть раз, да продал.

Я тяжело вздохнул и помял пальцами переносицу.

– Он магик, чернокнижник, исполняет желания.

Скрипнул ящик. На столе оказалась потрепанная записная книжка.

Костик сменил очки.

– Заплатишь шестьсот, – толстый палец с золотым перстнем при-
нялся бродить по строчкам.

Мой взгляд уперся в потолок, затылок мерно постукивал по спинке
стула.

– На него работает парень лет семнадцати. Бойкий такой, совсем
неприметный.

Костик крикнул и, наслюнявив палец, перелистнул страницу.

– И еще самодовольный парень в подтяжках. Сапоги еще такие...

– Солдатские, – он глянул на меня из-под густых бровей, – бывал
такой.

Я вновь смотрел прямо на него, стараясь удерживать зрачки в нор-
мальном состоянии. Ребячество сейчас очень сильно мешало.

– Ты знаешь его нанимателя?

Костик поморщился – у меня получилось не очень.

– Зенки прибереги, – если бы он знал, что эта способность есть и у
других ангелов, чтобы не ослепнуть в раю после работы на земле. Мне
она теперь ни к чему, но все равно приносит удовольствие от полузабы-
тых ощущений.

– Кто наниматель?

– Я не знаю. Есть только адрес доставки, куда мы привозим, – он
замаялся, обдумывая, входит ли эта информация в шестьсот обещанных, –
некоторый товар каждую неделю.

Он развернул тетрадку и ткнул пальцем в третью строчку. Я достал
телефон и забил в заметки. Потом в моих руках появился бумажник, и
глаза Костика заблестели, как бродвейские огни. Я отправил купюры на
стол и махнул головой в сторону Библии.

– Это вроде алчность называется, а, святой отец?

Костик на секунду убрал руку от денег под стол, но вспомнив, что
за существо сидит перед ним, стукнул стопкой по столу и отправил в кас-
су.

– В церковь приду, по блату все оптом и простят. Сам-то непотреб-
ствами занимаешься.

– Это чем же?

Костик принялся чмокать языком и растирать щетину.

– Как это, по-вашему, Венедекативностью?

– На русский манер, но смысл верный. Меня тоже рассчитают по
блату, – я улыбнулся губами и задвинул стул, – большое спасибо, заходите

и вы к нам.

«Лучше, конечно, не заходите». За раздвинутыми шторками моим глазам предстал неприятный сюрприз – монах, помогавший Костику, снял со стены два ножа, пяток амулетов, на поясе висели бомбочки. Он поджидал кого-то, видимо, меня.

– Брат Константин терпим к таким, как ты, подчас, но я терпеть не могу.

Радует, что Костик вмешиваться не будет, но это же и огорчает. Посидит спокойно в своей комнатке, а когда ревнитель веры убьет бедного падшего, то выйдет, похлопает товарища по плечу и повесит фото на доску. Кто ему, подпольному святоше, дал право определять, что я жизни не достоин? Сам Господь? Уж в это я никогда не поверю – у него своих дел хватает, он таким давно не занимается. Придумал этот фанатик себе чепухи в голове и гордо окрестил волей высшей. Свобода действий полная – ответственности никакой. Человек, что тут скажешь. Придется покалечить его, другого выхода нет. Тогда Костик тоже выйдет и похлопает его по плечу, мол: «Чего взелся, шел бы он своей дорогой». А убивать мне его нельзя, это точно.

Первый нож пролетел косо. Убедившись, что Провидение не даровало ему божественной меткости, монах принялся размахивать ножом в правой руке. На его шее были амулет от сглаза и четыре от демонов – по штуке на ранг от первого по четвертый, значит, мне не оплавит руку, как только я прикоснусь к нему. Пока я разглядывал освященные висюльки, монах сдернул с пояса бомбочку и кинул мне в ноги. Радужные брызги полетели в разные стороны, точно обжигая мне руки; не прекращая размахивать, он потянулся за второй; надо перехватывать инициативу. Клинок в очередной раз ушел вправо; я бросился прямо на него, монах широко выпучил глаза и попытался остановиться, но лезвие круто ушло в сторону. Я уже стоял сбоку и ударом ладони вышиб у него оружие, а коленкой разбил оставшиеся стекляшки на поясе. Монах извернулся и встал перед дверью, закрывая мне выход. Я резко сократил расстояние, но он поднырнул под мой хук и ударил в солнечное сплетение; удар был вялый, но меня пошатнуло. Обрадованный монах решил добавить в висок, но я успел перехватить руку и вывернул ее. Монах схватился за вывихнутое предплечье. Я ударил в живот и сделал подсечку. Он повалился на пол, не расцепляясь со мной. Что-то хрустнуло, в глазах сверкнуло, но ноги держали. Монах отпустил меня и попытался встать; я присел и быстрым движением дважды ударил ребром ладони в кадык. Попыток встать больше не предпринималось. Переступив через него, я открыл дверь – из-за шторы, покачивая пузом, показался Константин, на его лице читалось

разочарование. Впрочем, это уже не мое дело.

По стандартам компании я должен был выехать на адрес уже сегодня, но я сам себе стандарт. Тело ломило, облезшая кожа зудела и кровоточила, так что я просто вызвал такси и поехал в офис. Когда я приехал, свет в окнах уже не горел, часы показывали 19:15. «Неудивительно, что все ушли». Я взялся за ручку двери, она подалась на меня, моя рука замерла. «Чернокнижник подослал убийц ко мне в офис?» Мышцы нестерпимо заныли, но я принял стойку и по-змеиному скользнул в узкую щель. Нырнув в тень, зрачки мои рефлекторно расширились, давая прекрасную возможность увидеть все. Свет нигде не горел, за единственным включенным компьютером вольготно сидел Чарли, раскачиваясь под музыку в наушниках. Раскачивался он буйно и вовлечено так, что закрыл глаза и постукивал изредка по столу. Выпрямившись во весь рост, я прошествовал к своему столу, постучав по пути Чарли по голове. Черт открыл глаза и снял наушники.

– Вечер добрый, босс.

Я открыл ящик стола и грохнул об деревянную крышку испачканным и помятым кастетом. На его место в карман отправился другой такой же.

– Почему торчишь здесь так поздно?

– Вы же сказали искать обиженных богачей, – он лукаво заулыбался.

– Нашел кого-нибудь? – я проверил печати на шкафу со свитками и, удостоверившись, что они сдерживают, плюхнулся в свое кресло.

– Нет, нынче все довольные.

«Это хорошо – люди умнеют».

– Это, Чарли, очень плохо, что же мы будем есть?

Он пожал плечами. Я знал, чего он хотел, но субординация не позволяла предложить первым.

– Босс?

– Да.

– Пойдемте пить кофе.

Я встал и показал ему пальцем на дверь, мол, что с тобой сделаешь.

Чарли, в отличие от меня, был коренным уроженцем ада. На землю его не ссылали, просто у чертей свободная политика передвижения, которая не идет в разрез с правилами моего агентства. У ангелов все чуть сложнее, хотя один у меня тоже работает, но он скорее резидент с неба – следит, чтобы мы полномочий не превышали. Но возвращаясь к Чарли, стоит отметить, что он один из лучших моих работников, несмотря на то, что присоединился ко мне всего шестьдесят лет назад. Чертом он оказал-

ся очень приятным, с врождённым и хорошо очерченным чувством юмора, исполнительный и падкий на всякого рода полевую работу. Обычно я не брал никого на заказы, но он стал исключением, уж слишком просил. Он, в отличие от своих братьев, видел в этом только работу, и если бы я перестал платить ему, то он бы отказался ее выполнять. Естественно, святым он не был, но это лежало за пределами наших с ним отношений.

– Мне Капучино, две чашки, – я смотрел на проезжающие мимо машины.

Чарли, заметив у девушки кольцо, широко заулыбался, как богатые мальчишки улыбаются на шутки красивых девочек, сказав, что готов довериться ее вкусу. Как я уже говорил – святым он не был.

– Вас знатно потрепали, босс.

– Да, на мне испытали все виды святого оружия.

Он присвистнул. Нам принесли кофе: мне – отменный капучино, а ему – латте. Он ненавидел латте, но чмокнув губами, подмигнул девушке и сказал, что лучше карамельного сиропа только её улыбка. Она зарделась и отошла. Не успев спрятать сальный взгляд, он посмотрел на меня.

– Могу я взять завтра выходной?

– Пока я пойду разбираться с чернокнижником, это где-то, – я завел часы, подаренные мне после Вьетнамской войны, – где-то до часа. Хватит тебе?

– Хватит, – он отпил, поморщился незаметно, – а вы бы тоже не хотели завтра никуда идти?

– Конечно, не хочу. Мне не каждый день такое делать.

– Так не ходите, – Чарли втянул ноздрями вечернюю прохладу, намеренно не обращая внимания на то, как я выгибаю бровь. Когда мое терпение истончилось, он поднял указательный палец левой руки вверх, а правой вниз.

– Определитесь со стороной и все.

Я допил первую кружку.

– Не хочу, я свободный че..., свободный.

– В аду у вас прекрасная девушка.

Это было правдой, но переезжать туда и завязывать с делом, на которое ушло чуть больше века, из-за нее я не хотел.

– Верно.

Он понял и продолжил:

– Но Родина ваша наверху, там друзья и семья.

У меня осталось пара друзей в раю, и папа все еще обещал завещать мне какую-то недвижимость, но слишком у нас разное мировоззрение с тамошним хозяином.

– Верно, – мы помолчали, – глупо решать все таким образом.

Его глаза удивленно посмотрели на меня, выглядывая из-за кружки (или он просто пытался не выплеснуть содержимое кружки на глазах у официантки). Я продолжил.

– Срок, когда я могу перебраться в ад на полную ставку, прошел полсотни лет назад. С тех пор мне нещадно намекают на то, что пора бы уже, – я допил вторую чашку, – но ад просто до великолепия отвратителен, дружище. – Чарли уважительно кивнул, оценив оксюморон. – А там, где выше, в меня уже давно не верят.

Черт осилил последние капли, и специально не стирая молочные усы, улыбнулся официантке. Она кокетливо захихикала. Чарли оттер усы салфеткой и повернулся ко мне с серьезным лицом.

– В конце концов, эта ваша жизнь, босс.

Я протяжно выдохнул, и без малейшего желания конкурировать с Чарли, просто щелкнул пальцами и показал на наш стол. Обескураженная официантка от такого перепада отношений принялась рассеянно собирать счет.

– Я чувствую, Чарли, что нет, не совсем моя. Я родился пернатым, но вот кто я теперь? И даже, получив возможность переопределить себя, я чувствую, что выбор будет чужим. Все, что мне остается, это заниматься тем малым, где я принадлежу себе.

Девушка принесла счет, я кинул туда купюры, Чарли вытащил салфетку с номером телефона и что-то чирканул. Мы встали, пожав друг другу руки. Он взглянул мне прямо в глаза, но я знал, что Чарли смотрит намного глубже.

– Чего вы хотите? – он на секунду стал растерянным, потому что, заглядывая в пустоту, никогда не ожидаешь, что там действительно пусто.

– Я не хочу того, что происходит со мной сейчас.

– В ваших глазах... – он попробовал закончить, но я разжал руку и, хлопнув его по плечу, направился обратно в офис, на втором этаже которого я и жил. Чарли постоял немного, а потом, поправив непослушный локон, направился со счетом к барной стойке. Он не оставил ей и шанса.

Я завалился на кровать и понял, что тошнит абсолютно от всего. Вслепую нашарив на столике одинокую сигарету, я опять закурил от пальца, и, сделав затяжку, смотрел, как дымок уходит в темноту. «В моих глазах потерянный рай». Я испепелил сигарету в стакан на тумбочке и погрузился в сон.

Проснулся рано. Захотев попить, я опрокинул все содержимое стакана в себя. Стакан улетел в стену, ноги сами понеслись отплеиваться в ванную, помогло это мало. Скверное начало дня, но дальше будет еще

хуже. Я лениво натянул свой «парадный костюм», представлявший из себя длинный пиджак без пуговиц, белую рубашку, полосатый галстук, лакированные туфли, зауженные брюки, и спустился вниз.

Никто еще не пришел. Сев в кресло, я решил перебрать документки и почту, дожидаясь своих работников. Первое, что попало мне на глаза – видео непристойного характера от Чарли, в котором официантка клялась обольстительному черту, что тот самый-самый лучший. Пока я тихо восхищался наглости моего приятеля, в офис зашел бородач с завитыми усами. На нем была узорчатая приталенная жилетка, клетчатые темные брюки, черно-белые кеды. Звуков я не стеснялся, так что ангел, прокашлявшись, снял темные очки, показывая голубые бездонные глаза, полные укоризны. Я кивнул ему головой и выключил телефон. Николас занял свое отдаленное ото всех место и принялся строчить отчеты. Пока рабочий день еще только закипал, я пролистал все недавние типовушки. Увидев договор «суслика», я чертовски захотел изменить сумму под графой «итого». Я так и сделал: под моим пальцем чернила расплылись, а потом сложились в другие числа. Побарабанив немного по столу, я не выдержал и, отклеив стикер, написал «перечислить в благотворительный фонд N-ую сумму» и приклеил на пробковую доску, разделенную на квадраты времени (очень полезная вещь, если вы хотите все успевать). Листок оказался в разделе «важно и срочно». Николас поднял голову и, отложив отчет, начал оформлять перевод. Я открыл шкаф со свитками. В этот раз в мой карман отправилось восемь штук и маузер с патронами, содержащими прах предателей. Рабочий день начинался только через час, больше не было смысла ждать. Я вынул из кармана ключи.

– Николас, ключи у тебя, – по правде говоря, никому другому я бы их и не доверил. Невероятно ответственный. Даже для ангела.

– Так точно, босс, – он «козырнул» мне.

Вновь звякнули колокольчики. Флоренция еще спала, а вот мне совсем не хотелось.

Я решил пройтись пешком – других дел на день не было, и необходимо занимать себя чем-то. Я ни секунды не сомневался, что день обещается быть веселым, однако это не приносило мне удовольствия. Возможно, это трудно понять, но у меня есть доходчивый пример. Приходилось ли вам целовать любимую девушку? Думаю, ваши эмоции были сугубо положительными. Но представьте теперь, что девушка сидит на ваших коленях вечно, и никакая сила не оторвет ее губ от ваших. Последние лет семьдесят я начал понимать, что моя ссылка напоминает именно это.

На Соборной площади пересчитал все свитки в моем кармане и крепко задумался. Пользуясь замешательством, я исчез очень быстро,

чтобы они не прознали, чего я хочу. Выйдя из зоны поражения, я позволил мыслям разлететься. Их накопилось невероятно много: каждая прошила внимания, разрывая мою голову на части. Я остановился, хрустнул шеей и, массируя виски, зашел в ближайший универмаг. Стряхнув с прилавка на кассу пачку сигарет, я зазвенел мелочью в руку продавцу. Рак был против меня бессилён, поэтому я без зазрения совести поджёг третью порцию отравы. Я наконец-то сосредоточился на предстоящем, отбросив все ненужные догадки и мысли, даже ту, которая говорила мне, что все это похоже на дешёвое детективное клише.

Офис магика был «жирнее», чем наш. Двое охранников стояло на входе, по моим предположениям, ещё около десятка патрулировали внутри. Эти люди были не осведомителями, как Филипп – они умеют обращаться с оружием и без особых проблем попадут в меня. Но заказ есть заказ. Я поправил пальто, скинул шарф на мостовую и двинул прямо к парадному входу. Время обдумывать что-то подошло к концу – пришло время действия. Я потянулся к внешнему карману, куда был предусмотрительно припрятан нужный свиток, попутно заставляя в голове заиграть приятную мелодию. У меня получилось. Рука уже вынимала из кармана пергамент, когда один из охранников скинул очки с макушки на переносицу и, толкнув товарища, потянулся за пистолетом. Он не успел. Расправленный лист полетел прямо в них, выпуская облачко дыма. Глаза охранников расширились, один из охранников выронил пистолет, а потом и вовсе упал вслед за напарником. Оба забились в мелких судорогах. Я аккуратно обогнул припадочных и выронил небольшой крестик, чтобы демон, накачивающий привратников боевым инсулином, не убил их окончательно. Зашипев, он засосался в щели между мостовой.

Достав из кармана ещё один свиток, я встал сбоку от двери и выкинул его прямо перед собой. Из него показался сгусток мигающей жижи, который стремительно вырос и принял человеческий вид. Ещё через секунду он покрылся одеждой, а потом воссоздал мое лицо. Я ткнул туповатому дублю на дверь, тот пожал плечами и открыл ее. На него высыпалась автоматная очередь, расплескивая ртутную начинку. Демон был ликвидирован за секунду, дверь тоже.

В моей руке появился ещё один пергамент. Из него показалась ящерица в монокле. Монокль я вежливо снял, а ящерицу посадил на пистолет – теперь я видел то же, что и она. Дуло скользнуло к дверному косяку и по-сомалийски высунулось в холл. Прежде, чем кто-то сообразил, я успел выстрелить в чью-то ногу. Потом еле успел убрать ствол. Я слышал свое дыхание и дыхание ещё троих охранников. Ящерица недовольно глянула на меня, монокль обжег глаз. Если тот, в кого я попал, не корчится

в агонии, то чернокнижник нанимает некрещенных, что, вообще-то, логично. Чья-то холодная лапка скользнула по щеке, я шлепнул ящерицу по липким пальцам. Она спрыгнула с лица; монокль пошел трещинами, но я все еще видел глазами демоненка. Она высунулась из какой-то щели, открывая мне всех трех охранников. Они заметили обиженного демона раньше, чем она успела поспешить дальше. Пока они стреляли в щель, я успел вытряхнуть ладонь морского ежа из свитка; надо было попасть только в одного. Я наклонил голову вниз и кинул ежа в раненого. Монокль лопнул, рассыпая стеклышки на пол. Еж достиг цели – он знал, что делать: иглы воткнулись в акупунктурные точки, заставив автоматчика свалиться парализованным. То же повторилось и с остальными. Потом демон напряжился и прицелился в меня. Я осенил его крестным знаменем, ногти обуглились по краям, но еж зашипел и провалился обратно в ад. Мои перворанговые демонята закончились, а я еще не покинул фойе. Придется откупоривать крупных.

Элитная гвардия чернокнижника затаилась за дверью, изредка оттуда доносились щелчки и шарканье сапог. Сев подальше от дверного проема, я вынул тубус и вытряхнул из него свиток, скрепленный сургучной печатью. Я быстро начал нейтрализовать магическую защиту, когда какой-то смельчак все же решился дать пробный залп. Они стреляли из пейнтбольного ружья, только вместо краски были заряжены шарики со святой водой. Для меня это было что-то наподобие гранатомета. Заклинание сбилось, печать восстановилась. Вода брызгала на пальто и брюки, стрелок осмелел. Молодой парень просунул голову в дверь и получил касетом по очкам. Разразилась буря. Через минуту вся комната была залита водой, а я, прикрываясь пальто и хлюпающая сапогами по полу, пытался разбить печать. Наконец, у них кончились снаряды.

Послышался звук, открывающийся крышки маркера, и загремели стекляшки. Я выпрямился в полный рост, вытянул руку со свитком перед собой и отчеканил заклинание (это не совсем заклинание, скорее пароль, как от телефона, но не забивайте голову). По мокрому полу от меня пошли круги, знаки на печати смазались, а сама она со свистом отлетела в стену. Из размотанного пергамента вырвалось облачко пепла, и, расправив крылья, вылетел ястреб. Оставляя за собой огненный шлейф, птица ввинтилась в дыру от стеклянного шарика, чтобы устроить погром по ту сторону двери. Послышались крики, разбились стекляшки, заклекотал ястреб, потом загромыхали выстрелы. Все стихло. Я положил пальцы на спусковой крючок и, скрипнув дверью, вошел. Эта комната была похожа на мой офис: на стенах висели картины, призванные наполнять посетителей позитивной энергией, возле стены стояло несколько кресел, такое

находилось напротив стола, захламленного блокнотами, календарями и визитками. Над всем этим возвышался новомодный MacBook, показывая статус элитного чародея. За столом стояли стеклянные стеллажи с алфавитными указателями; один был отодвинут от стены, открывая проход из комнаты охраны. «Ловко». Дохлая птица валялась в осколках люстры с прожжёнными водой крыльями, клюв и когти были испачканы в крови. Рядом тяжело хрипел охранник. На месте глазницы чернело пятно.

– Жить будешь, – я переступил через него, отмечая это скорее для себя. Потом я увидел другого – молодой парень у противоположной стены напротив птицы. Из его головы еще шел дымок. Стрелок лежал в углу, пачкая кровью кресло из кожи кенгуру. После того как птица чуть не сделала из него Прометея, он, видимо, решил нашпиговать ее чем-то серьезнее шариков с водой. Промазал. Раненый приоткрыл один глаз, стрельнул в меня слабенькой молнией из-под очков.

– Паскуда ты! Я сыну говорил: работа что надо, – он кашлянул кровью, – залез зачем-то, падла! А как мне жить теперь из-за тебя? – мужик задумался на секунду, потом его рука, еле державшая пистолет, резко вскинулась, и раздался еще один выстрел. Голова упала на пол, оставляя за собой след.

– Никак, – на мою щеку прямо рядом с глазом что-то капнуло. Я взглянул вверх: кто-то пустил очередь в потолок, так что с разбитых шариков падала вода. Капелька прокатилась до подбородка, оставляя красный след, обжигая кожу. Николасу не придется корпеть над отчетом, но я прекрасно знал, кто убил и того, и другого. Самое ужасное, что это знал и ОН.

Я встал на первую ступеньку. Кто-то на другом конце гаркнул, и освещение отключили. Если у них есть очки, то им не нужны фонарики – и тлеющего нимба хватит. Расширив зрачки, я полез в безнадежно испорченное пальто за свитком. Пока никто не нападал, нужно было успеть распечатать его. Сев на корточки и прижавшись к стене, я вытащил из сдувшегося кармана новый тубус. На этом стояла печать другого типа – что-то вроде графического ключа. Распавшись на половинки, замочек отвалился, расслабляя свиток. Пергамент развернулся. Из центра вырвалось облако едкого дыма, посыпались искры, лизнули воздух язычки пламени. Свиток рассыпался прахом. Мне попался брак! Демон просто рассосался из дырявой тюрьмы. Если я выберусь, то засуну в этот лист поставщика! Наверху тускло сверкнуло, и на голову мне осыпалась штукатурная крошка со стены.

– Идиот, его голова ниже – за новым тубусом уже не успеть.

Фигуру охранника было видно достаточно хорошо, пуля прошла

мимо. Вложив голову в плечи, фигура скрылась за стеной. Словно из танка, из-за угла высунулись жерла автоматов и принялись стрелять вслепую. Пригибаясь ближе к ступеням, я побежал наверх. По колыханиям одежды чувствовалось, что в пальто добавили пару дырок и едва не перебили плечо, но рука задралась выше, чем надо. Подбираясь к верху, я заметил носок сапога; в этот раз попал. Охранник потерял равновесие и подался вперед. Воспользовавшись возможностью, я схватился за расслабившиеся на секунду кисти и дернул их к лицу хозяина, больно приложив прикладом по зубам. Пока ушибленный съезжал вниз по ступеням, я занял его место и ударил соседа кастетом в область ключицы – бронежилет погасил удар, так что он лишь покачнулся. Я мог слышать, как два ствола с противоположной стены поворачивались от лестницы к моей спине. Дернув кастет, зацепившийся за нити из бронежилета, я рывком развернул вояку в их сторону. Хорошо, что им хватило ума не стрелять сквозь него. Я осклабился черными деснами.

– Извини, – двинув ему коленом в промежность, я толкнул скрюченного в двух других, попутно выдёргивая кастет. Повалившись на пол, они тут же начали вскакивать, но, скрипнув зубами, я выстрелил по коленям. Потом каждый получил краем кастета по макушке, чтоб не стреляли вслед. Наклонившись к лестнице и увидев, что внизу никто не шевелится, я оглядел этаж. Здесь магик, по-видимому, жил: на стене висели светильники, создающие уют, двери были совершенно домашними, на одной даже висел детский рисунок. Я потер виски, заставляя себя подумать об этом потом, хотя бы на пару минут позже. Лишь в конце коридора зияла грузная дверь, дававшая понять, что не каждый может туда войти. Бесшумными шагами я приблизился к ней и, желая, чтобы там не материализовался ангел-хранитель, дернул за ручку.

Ангела там не было, но в маленькой комнатке стоял амбал с дробовиком. Он закрывал резную деревянную, с оттенком оранжевого, дверь в кабинет. Маузером я воспользоваться не мог, потому что патрон предназначался чернокнижнику, так что пришлось просто отпрыгнуть в сторону, уворачиваясь от перемолотых крестиков, украденных предприимчивым русским из церквей. Света по-прежнему не было, так что охранник видел только нимб. Перекатившись от стены, я двинул ему рукой без кастета в солнечное сплетение и с невероятной болью отдернул ее. Здоровяк хохотнул и дернул какой-то рубильник, восстанавливая освещение. Я с ужасом вылутился на его голый торс – вдоль его вен, по всему телу витиевато шла серебряная татуировка. Она давала превосходную защиту от таких, как я. Амбал ухмыльнулся, дробовик выплюнул дымящуюся гильзу ему под ноги, дуло уперлось мне прямо в лоб. Обдало жаром, ухо зазвенело.

В кармане рассыпался предпоследний свиток – как хорошо, что я всегда кладу демона-щита. Теперь уже охранник удивленно уставился на красное пятнышко чуть выше переносицы, которое должно было быть кровавым месивом. Пользуясь замешательством, я вскочил и ударил кастетом по оружию, выбивая его из рук. Ребро свободной ладони, но бычьи мышцы просто отпружинили кисть обратно. Потом я получил пощечину, обжигающую достоинство, а щеку вдвойне. Его рука, словно гигантский маятник, пошла на второй заход, но «подставлять вторую щеку» не входило в мой набор правил, так что я протаранил серебряного гиганта и проломил хрупкую дверь из акации. Она захрустела, и в следующие мгновение здоровяк кряхтел на обломках двери. Я пару раз добавил ему. Мощная голова, словно тряпичная головка куклы, бухнулась на разбросанные щепки.

– Ему тоже челюсть сломаете? – передо мной за столом сидел дедок лет шестидесяти. На нем были классический костюм, круглые очки в тонкой оправе, а длинные седые волосы были заплетены в хвост.

Я не стал ему отвечать. Самому-то не хочется исполнять эту миссию, а уж то, что придется делать потом, поджидая здесь обитателей комнаты с рисунком – представить страшно. Достав маузер, я щелкнул курком и направил на седую голову. Он смотрел без страха. Дышал ровно, но потом сорвался.

– Что не понравилось Люциферу? Какой, черт его дери, контракт я исполнил плохо? Идеальный послужной список, а он присылал даже не тофеля², а какую-то шваль!

Я удивленно выгнул бровь и невольно снял палец со спускового крючка.

– Вы всего лишь посредник?

Дед фыркнул и стукнул пальцами по столу.

– Всего лишь! – он сбавил тон, вспоминая, что у меня в руке. – Я слежу за выполнением договоров со стороны смертных.

– Вы нотариус дьявола?

Дед посмотрел на меня презрительно, потом хмыкнул и театрально заулыбался.

– Я обуваю простачков, идущих на крючок. Люцифер предлагает им услугу, а я создаю в договорах лазейки для него.

– Например, убить жену и детей, чтобы не мешали, – я сказал это тихо, под нос, но он услышал.

– А что вы знаете про этот контракт?

– Только то, что рассказал мне наниматель.

Нотариус поправил очки указательным пальцем, открыл ящик стола и достал оттуда папки с именами, закрученными вокруг пятиконечной звезды. Громко шлепая обложками по столу, он снимал с верхушки папку за папкой. Наконец он нашел нужную.

– Лоренцо, – выкрикнув имя, он принялся водить по строкам, потом бросил на меня насмешливый взгляд и зачитал, – жену, детей и любовницу обязуется принести в жертву взамен на коммерческий успех.

– И что сделал Люцифер?

– Лоренцо, наверное, ожидал, что под его сыроварней найдут залежи нефти, но тут же четко написано «коммерческий успех», – дед улыбнулся, на этот раз злорадно, но искренне, – так что владыка просто щелкнул пальцами, и его компаньон умер от разрыва тромба, передав всю долю ему. Кто же знал, что Лоренцо не справится с бизнесом в одиночку.

Я отошел от стола и запустил правую руку в шевелюру, – указательный и средний по очереди стучали по стволу маузера. Осознание приходило быстро: сейчас бы я убил деда и его семью, через пару дней меня бы забрали на суд по делу о превышении полномочий. Меня бы не оправдал никто, потому что на суд бы доставили этот договор, так что я бы остался гнить в чистилище, а довольный Лоренцо обработал бы договор в свою пользу. Хотелось ругаться, но я почему-то спросил куда-то в стену:

– А телевизор вы ему взрывали?

– Да, но это так, шалость.

Я вытянул руку и пустил пулю в огромную плазму на стене. Старик вздрогнул. Повисла секундная пауза, которую прервал нотариус:

– Послушайте, с таким раскладом мы можем засудить его, естественно, не через обычный суд.

– Каким образом?

– Конечно, Люциферу нет дела до этой мелкой дрязги – я хоть и единственный, но заменяемый. Однако у меня есть полномочия работать с договором, а значит...

Закончить он не успел – лопнуло стекло, и полетели осколки, переливающиеся радугой. Пригибаясь, я успел заметить, как падает на стол голова старика, с расплывающимся на седине красным пятном. Через мгновение другая пуля разбила раму картины. Стрелок пытался задеть хотя бы мою спину, но я уже выкатывался в коридор, где окон не было вовсе.

В комнате для охраны, на первом этаже, был служебный выход дверь на улицу, через которую я и вышел. Через два поворота я уже ока-

зался на Виа ди Рондинелли, где сновали машины. Сияясь поймать такси, я на ходу набирал номер Николаса.

– Слушаю, босс.

– Ник, – я губами прокричал водителю, но он проехал мимо, – на сегодня все, работа окончена.

– Сейчас только одиннадцать.

– Неважно, – я едва не упал таксисту на капот, и он, витиевато размахивая руками не менее витиевато ругаясь, открыл дверь. – Ник, слышишь? Я вас отпускаю. Рабочий день на сегодня О-КОН-ЧЕН.

– Куда вы едете? – чуткий, как всегда.

– Мне срочно надо в ад.

Таксист покосился на меня, но я хлопнул его по плечу и сказал ему ехать к Санта-Мария-Новелла. Конечно же, такси в ад не ездят. Туда ходят лифты.

Водитель подвез меня ко входу, думая, что я турист: ещё бы, ведь любой флорентинец знает, что такси на улице не ловят. Если б в меня не стреляли – я бы так делать не стал, как и тогда с Филиппом.

Мне нужна была не сама аптека, а знак-кирпич, находящийся неподалеку. В каждом городе Мира есть подобный лифт, и даже не один. В России для этого закрывают кабинки общественных туалетов, но местные работники ада поступили изящнее. За одну ночь приткий черт нарисовал дорожные знаки, чтобы знать точное местонахождение лифтов (спуски сделали только под «кирпичом», а остальное – это уже его личное творчество). Фишку просекли и в некоторых других странах, например, Японии, но законодательство там жестче, так что такого размаха не достигло. Но я был в Италии и, судорожно оглядываясь на крыши и окна, пытался просканироваться на вход. Их всегда сбивал с толку мой нимб, но раз на третий все же понимали, что он тлеющий.

Никто не успел на меня напасть – под моими ногами открылся люк, и я поехал вниз. Это на час. За несколько тысячелетий никто не удосужился хоть как-то развлекать народ во время спуска: не было музыки, не крутили фильмы, не было картин на стенах, не было даже журнального столика, потому что не было света. Только табурет (всегда надеюсь, что это просто деревянная тренога) и крошечная тьма. Садись на стул и думай о вечном. Надо бы запрос к Люциферу отправить, но ведь все погрязнет в адской бюрократии. И я через час погрязну. Спуск угнетал все больше: поскрипывали то и дело шестерни, хоть я прекрасно знал, что их нет. Шуткой злорадного инженера то и дело сужались стены, оставляя лишь небольшое пространство для пассажира, а может, и это было иллюзией. Забавно, что это я еду на служебном лифте, а тот лифт, который

«для посетителей», и едет быстрее, и выглядит красочнее: человек сто набивают в душную комнатку, а потом отправляют ее в свободное падение вниз. Естественно, через десять минут они уже готовые, и их встречают гогочущие черти без человеческой личины. «А вот нам зачем такой лифт? Узкая труба мрака, который, наверное, напоминает мою жизнь».

Сделав шаг в пропасть, я уже не одно столетие пытаюсь достигнуть своей цели без права на переВыбор. Только черный тоннель, принятый мной за единственно верный, но если задуматься, я ведь и не вижу других маршрутов. Слеп. Я скорчил ехидную мину и крикнул в пустоту:

– Хотите, чтобы так думал, да? Я же знаю, что здесь мысли считаются. Идите все к чертовой бабушке!

– Пошел ты, пернатый недоделок! – ответили из пустоты, и лифт, недовольно загудев, поехал чуть быстрее. Я победно уселся на табурет и принялся отстукивать по коленям незатейливую мелодию. Соседствуя с Собором, я отлично выучился не думать ни о чём.

Минут через тридцать передо мной возникла тяжелая дубовая дверь. Я не успел даже вздохнуть или сосчитать до десяти, как ручка дернулась, и престарелая тетка с кипой бумаг уставилась на меня.

– Ты чего встал, ну! Проваливай!

Получив затрещину, я вылетел из лифта. В глаза ударил яркий свет, в уши – многоголосые препирания. Туда-сюда сновали взмыленные черти и суккубы, хлопали двери, взмывали вверх листки формуляров. Невероятно воняло конским потом, а наглые работники канцелярии то и дело подрезали тебя, вжимая в стену. Даже я чувствовал себя несколько беззащитным. Нервно сглотнув, я принялся прорываться к нужному кабинету. По пути меня множество раз придавливали к стенам, а пару раз чуть было не впахнули в какие-то двери. Радует, что орел наш, дон Люцифер, догадался добавить канцелярии отдел, где решаются только вопросы местного населения (или потенциально местного). Подо мной находились ещё тысячи этажей, где, помимо клерков, сновали толпы грешников, тщетно пытающихся найти недостающую справку о прощении одного греха. Они, в отличие от чертей, не покидают эту канцелярию никогда. А вы пугаете какими-то котлами кипящими. Но для того, что оформить покушение на меня «подопечной» душой Люцифера, в котел прыгнуть будет недостаточно. Но мне надо было как можно скорее добиться того, чтобы суслика сослали и вывели из договора.

Наконец, я встал перед дверью: узорчатые пентаграммы и бронзовая табличка с гравировкой, отливающая блеском. Я только дернул за ручку, но, не видя еще лица, почувствовал раздражение сидящей за ней. На меня смотрела старушка в смокинге. Она мило улыбнулась, но я знал,

что фалангой греческих гоплитов на меня ощерилась вся бюрократическая система.

– Добрый день, – я поставил стул напротив и ответил на улыбку своим сногшибающим оскалом. На нее такое не действует, – хочу оформить покушение подопечным.

Старушка, не снимая улыбки с лица, выжидающе протянула руку. Я ответил на это удивленным взглядом. Она не заметила его и лишь потопрапливаяще пошевелила пальцами.

– И что вы от меня хотите?

Улыбка скомкалась, глаза закатились так далеко, как может закатить их только обиженная школьница.

– Это вы от меня что-то хотите! А мне, чтобы оформить вам документ, необходимы распечатки воспоминаний момента покушения и аудиодорожка происходящего.

– Когда придумали этот бред?

– Распечатки есть у вас?

– Нет.

Она цокнула языком и покачала головой.

– Ну, вот с этого начинать и надо. Этажом выше тридцать четвертая дверь налево, пятая комната. Там вам распечатают. Потом приходите. – Взгляд старушки остекленел, она посмотрела сквозь меня и мелодичным голосом крикнула – «следующий». Улыбка, словно зонт, вновь раскрылась на морщинистом лице. Взвизг пришлось про себя – здесь эксцентричных скандалистов не любят.

Медленно открыв дверь и бережно сопроводив ее до щелчка, я, раздвигая клерков, как ледокол, продвигался ко второму этажу. Это была самая худшая лестница во всем аду, потому что ее постоянно намывала уборщица, отчего она становилась невероятно скользкой. Я твердо поставил ногу на первую ступень, растопырил руки в предвкушении падения. Вытягивая носок, поставил ногу на следующую ступень, прощупывая ее, словно сапер, проделал точно такую же процедуру с левой, правой, левой, правой... поскользнулся на последней ступени. Подбородок треснулся об кафель, по нему паутинкой расползлась трещина, я почувствовал себя как Сизиф. Со второй попытки лестница была взята, и в награду я позволил себе поставить щелбан уборщице в затылок, скрываясь в бурлящей толпе. Теперь надо было считать. Вокруг кричали – пришлось заткнуть уши, локти напоминали теперь крылья большой птицы. Отмахиваясь ими ото всех, я приговаривал: «первая, вторая, третья... тридцать четвертая». Победоносно открыв дверь, я был встречен двумя мужчинами. Они недоброливо уставились на запыхавшегося гостя.

– Здесь распечатки воспоминаний?

Не отрываясь от экрана, один из них кивнул.

– Давайте флешку.

– С воспоминаниями?

– Ну, да-да, давайте.

– А где?

Стрельнув в меня глазами и приоткрыв было рот, он, однако, решил, что я не достоин хотя бы капли его времени и молча указал на стену. Хоть глаза не закатил. Войдя в соседнюю комнату, я встретился с тщедушным чертом в белом халате. Этот почему-то решил не скрывать своего настоящего облика. Глянув на часы, я решил поубавить вежливости.

– Воспоминания здесь считывают?

Черт кивнул.

– Сюда садиться? – я указал на стул, над которым громоздилось нечто вроде рентгена.

Черт снова кивнул. Я сел.

– В голове импланты имеются?

– Нет.

– Славно, – сказал он монотонно, – думайте об интересующем вас.

Я подумал. «Рентген» над моей головой пришел в движение. Черт развернул ко мне монитор.

– Это те воспоминания?

– Да.

– Вот ваша флешка.

В этот момент в кабинет из подсобки зашел черт постарше (он был уже в человеческой личине, но черта несложно узнать). Увидев меня, он очень удивился.

– На распечатку?

– Уже, – я выдернул из рук у черта флешку.

– Так, а где ваша справка о...

Я дернул за дверь. Вслед мне несся претенциозный тон старшего черта.

– Стажер, справки надо спрашивать, личину надевать и улыбаться, в конце концов!

«Он научится», – мрачно подумал я. Придвинув табурет, я шлепнул флешкой об стол и сложил пальцы замком. Клерк равнодушно отодвинул ее в сторону ручкой, а потом положил передо мной пустую анкету.

– Дата, время, ваше имя, интерьер, экстерьер, кратко: ваши действия за пять минут до и после.

– Это все есть на флешке, только визуализировано, – пальцы, сжа-

лись между собой до белых костяшек, но он больше не обращал на меня внимания и уперся в монитор. Ручка принялась бегать по листку, усердно марая бумагу. Закончив, я демонстративно клацнул ручкой и забарабанил ею по столу. Клерк молча вынул из-под стола идентичную бумажку.

– Я только что это заполнял.

– Это экземпляр для бухгалтерии, – он опять уткнулся в монитор, но, заметив, что я не спешу, добавил, – как будто это я правила придумываю.

– Ты и сюжета для детского утренника не осилишь, – процедил я еле слышно.

Убедившись, что клерк не обращает на меня внимания, я, продолжая двигать ручкой, стал аккуратно водить указательным пальцем по заполненным полям: чуть более бледные копии слов перескакивали на мою подушечку, а затем в пробелы на другом листе. Я управился меньше, чем за минуту. Приняв мои листки, клерк тут же вернул их обратно.

– Вы забыли расписаться.

Я подписал. Он передал анкеты второму, и тот упрятал их в толстенную папку, превосходящую по размерам коровью голову. Затем клерк вставил флешку в компьютер, спустя пару секунд из принтера вылетело восемь картинок, что-то вроде раскадровки. Без благодарностей я выдернул свои воспоминания из рук клерка, увидев блеск любопытства в его глазах.

Чтобы не поскользнуться на коварных ступеньках, я проехался по перилам, как школьник, ловя на себе разгневанные взгляды отформатированных идиотов. Проталкиваясь сквозь них к нужной двери, я мельком глянул на часы. С ужасом обнаружил, что короткая стрелка совершила полный оборот и даже больше – стало понятно, что проще всего будет бабку убить. Добравшись до нужной двери, я дернул ее на себя, а закрывая, хлопнул с такой силой, что привыкшая ко всему старушка всё-таки дернулась.

– Ваши воспоминания!

– Не мои, – мило огрызнулась бабуля.

– Мы оформляем?

Она постучала листками по столу, скрепляя степлером.

– Воспоминания необходимо вложить в вашу папку, есть она у вас?

– Есть.

– Когда получите ее в архиве, сюда не идите, сначала получите свидетельство о подопечности интересующей вас души, потом уже сюда – я поставлю печать для комитета о превышении полномочий. Дело проведут завтра, так что вы успеете собрать пакет документов по своему пре-

быванию вне Рада (так мы называем Рай и Ад). Дела будут идти два дня: сначала ваше, потом его...

Она продолжала стрекотать дальше, но я ее не слушал – прикусил язык. Я размазывал кровь по клыкам, чувствуя, как струйка хочет просочиться на губы и стечь на подбородок. Рука сжала кастет. Пока я проторчу тут целую вечность, Суслик (приклеилось уже) превратит мою задокументированную земную жизнь в ад (забавно), поднимая подробности о сроках моей жизни и прочих неудобных моментах. Мне почти нечего терять, я ее убью сейчас и все. И я убил бы – рука напрягалась для броска из кармана, но тут вошла она. Алиса – мой самый любимый суккуб. Она была молода, ей было не больше ста сорока. Человеческая личина не скрывала, а лишь подчеркивала обворожительные естественные черты. К тому же она любила вытащить из-под нее небольшие завитые рожки, считая, что это заводит мужчин. Меня заводило. При виде меня в ее глазах промелькнул огонек, а пальцы сами собой заплясали на пуговице, служащей последней линией обороны против пышной груди. Алиса улыбнулась. Сравнить эту улыбку с тем, что происходило на лице старушечки, было кощунственно. Я и не стал. Сверкнув заточенными клыками, я жалостливо перевел глаза на бабуся. Слова были не нужны. Алисино лицо налилось офисной монотонностью, но даже так от него сложно было отвести взгляд.

– Кончай бюрократию, старая чертила!

Бабка даже не нахмурилась.

– Инструкция предписывает пренебрегать правилами только в экстренном случае.

Алиса дважды цокнула каблуками, подходя к столу вплотную и, склонившись над старухой, прошипела: «Значит, я забираю это дело». По столу шаркнули бумажки. Алиса направилась к выходу, но остановилась в дверях, вернулась обратно, подцепила меня под локоть и кинула, не оборачиваясь: «Истца тоже забираю». Старушка была обескуражена настолько, что из ее седой головы напрочь вылетели параграфы инструкций, запрещающие подобные действия.

Мы прорывались сквозь тесную толпу к какому-то кабинету, пока резко не изменили курс. Протащив меня об стену, Алиса втолкнула меня в небольшую комнатку. Дверь захлопнулась, в темноте мерцали ее глаза, кипа бумаг была отправлена на полку стеллажа. Не надо было обладать сверхъестественным слухом, чтобы чувствовать, как она дышит. Она прекрасно знает, что я не начну первым. Наконец, ей надоедает – она подается чуть вперед, и ее губы касаются моих. Кто я такой, чтобы не отвечать на это? Я жадно впиваюсь в ее губу и чувствую, как ее зубки

прикусывают мою, будто пожирая меня. Ее длинный раздвоенный язык легонько ощупывает клыки, ища мой. Я мысленно ухмыльнулся и решил немного попрыгать его. Ее руки жадно гуляют по всему телу, мне хватает ее волос. Ручьи ее мягких локонов струятся сквозь пальцы, донося приятный и мягкий аромат неизвестного шампуня. С удвоенной жадностью она впивается в меня – я не хочу уступать. Наконец, ее язык находит мой. Она обвивает его, плавно скользит назад и вперед. Алиса закидывает ногу к моим ребрам, моя рука съезжает вниз, чтобы поддержать ее (и поддержать тоже). Я чувствую, как она прижимается все ближе, покачивая бедрами. В такие моменты я ощущаю себя нужным, возможно, даже на своем месте. На мгновение забывается то, что я беспомощно качаюсь между двух миров уже много лет. Звякнул ремень, к ширинке скользнула теплая рука. Я потянулся выправлять ее блузку из-под юбки. Не останавливаясь, она отнимается от губ и прислоняется к моему лбу.

– Останься здесь, проверишь, насколько жарко в аду... со мной.

Я, видимо, не так понял.

– А сколько у нас времени до судебных дел? Может, успеем.

Ее рука справилась со штанами.

– Старушка не говорила? Три дня, но ты можешь остаться намного дольше.

Мои руки замерли на молнии, проходящей через юбку. Всё-таки это не то. Я не хочу в ад! Даже если здесь будет она. А может, только ради нее и стоит прыгнуть в пекло? В любом случае, я не буду решать это сейчас.

– А эта кипа документов?

– Расслабься, я сама сделаю все в три раза быстрее, – она улыбнулась и снова потянулась к моим губам.

– Я люблю тебя, – я прильнул к ней, тихо доставая со стеллажа листки, – но мне надо закончить все дела, – листки легли между нами. В ее глазах занялись красные огни, я улыбнулся во весь рот, проводя языком по верхним клыкам, и успел выскочить из комнаты до того, как в меня полетели тяжелые предметы. На ходу застёгивая ремень, я бежал к лифту. Я знал, что она поймет меня, но потом, когда переберется. В конце концов, я не только за тело ее любил. «Ну, суслик, дай только три дня продержаться».

Когда лифт дополз до верха, и надо мной распахнулись створки, глазам уже не пришлось привыкать к свету – улицы утонули в сумерках. В окнах ресторанчиков, раскинувшихся на площади, загорались огоньки. Шум поутих, лишь за столиками лились мелодично разговоры и слонялись по площади тихие компании – город наслаждался тишиной. Я решил

наслаждаться вместе с ним.

Чувствуя, как от меня исходит пар, растворяясь в вечерней прохладе, я скинул с себя дырявое пальто и бросил на землю. Тело приятно закололо, хоть температура и была плюсовая. На ходу расслабив галстук, я расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Выходить на главную улицу я побоялся, так что направился в боковой проулок. Мне не хотелось торопиться в офис – ближайшие три дня я там не буду светиться, но надо проверить замки. В пачке все еще оставались сигареты, почему бы не закурить? Сигаретный дым значительно отличался от адского, с привкусом серы: он клубился намного мягче, в нем хотелось утонуть. Когда сигарета кончилась, я автоматически вытащил вторую и также поджог ее пальцами.

«Как же хорошо на бренной земле, когда ты родился человеком. Словно маленькая гуппи, живешь в аквариуме, не зная ничего об океане. А я тогда кто? Для этого мира я, наверное, удильщик, неспособный закопать уродливую морду в пластиковое дно. Да и мой привлекательный фонарик кто-то оторвал. Хозяин аквариума доволен участием рыбы, оба хозяина. Только вот удильщик бывал в океане».

Из размышлений меня вывел кофейный запах – ни с чем его не перепутаю. Я выплюнул изо рта обугливающийся фильтр, который едва не обжег мне губы, и стал жаться ближе к стене, стараясь найти преграды от противоположной стороны улицы. Добравшись до двери, я облегченно вздохнул – следов взлома не было. Достав из кармана ключи, воткнул их в замочную скважину и понял, что поторопился. Дверь была не заперта, а Николас не мог забыть про такое. Я дернул дверь и закатился внутрь, щелкнул выключатель. В свете ламп все выглядело весьма цивилизовано. Все, кроме шкафа со свитками – на нем висели два новых замка, серьезных и непоколебимых, а ещё записка. На всякий случай я достал кастет и медленно пошел к шкафу. Записка была короткой, но очень содержательной: «Твой черт у меня, советую прийти до начала судебного процесса. Адрес...». Я совершенно забыл, что Чарли придет в офис позже других.

– Приспичило тебе наставить кому-то рога именно в эту ночь! – Я со всей силы пнул свой стол. Ящик с кастетами приоткрылся – теперь это был просто ящик. – Обчистил меня, оставив беззащитным.

Я сел на стул, барабанил пальцами по нетронутому покрытию и заставляя себя всей душой возненавидеть Чарли. Мой тридцатиминутный таймер зазвенел в четвертый раз, я поднялся из-за стола, – «ну и урод этот Чарли!» – щелкнул выключателем. Комната стала темной, но я по-прежнему все видел. За три дня я успел соскучиться по моему уютному офису. «Придется его вытаскивать».

На улице было совсем тихо, через несколько минут тишину вскрыл гул мотора, вызванного мной такси. Денег у меня не было, но я хотел закончить все быстро: если идти пешком – могу не успеть. Водитель на несколько минут вынырнул на центральные улицы – по мне ударил шум сотен голосов и мелодий уличных музыкантов, зрачки невероятно сузились от городских огней, а потом все снова потерялось между небольших домишек.

Ладони не потели, но будто бы на всякий случай я обтирал их об брюки. В паре окон, подсвеченных ночниками, мне мерещились снайперские окуляры. И даже, когда я вжался в спинку, то все равно ощущал на себе чей-то взгляд. Молчаливый водила (редкость для Италии) крутил волны по радио, не давая сосредоточиться хоть немного. Хорошо, что снял галстук, иначе непременно бы почувствовал, как он перекрывает кислород. Спустя множество томительных минут мы остановились возле моста ювелиров. Водитель даже не успел повернуться, как на его голову упало железо кастета – обмякшее тело свалилось на ручник: денег у меня не было. Я облокотил его обратно на спинку и вышел из машины.

Теперь мне точно не мерещилось – из темноты на меня действительно смотрело несколько стволов. Стрелки стояли за прилавками так, чтобы обычный человек не заметил. Суслик ждал меня. Учитывая, что мост представлял собой нагромождение торговых домов в три-четыре этажа, даже представить сложно, сколько здесь можно уместить бойцов. Как только войду, меня возьмут в клещи, так что обратного пути уже не будет. Я помялся, подумав в последний раз, и с деланой развязностью пошел вдоль угрюмых домов. Было слышно, как тихо бряцает снаряжение у наемников. Очень хотелось оглянуться, потому что я чувствовал на затылке чей-то прицел, но мне удалось подавить в себе это желание. Как по заказу, на небо из облаков вышла Луна. Мост словно подсветился неоновой лентой с севшими батарейками, но я и так видел скопление фигур в центре возле перил: Суслика я бы узнал и в полной темноте – два его подбородка тряслись, втолковывая что-то двум охранникам. Еще двое стояли чуть поодаль, точнее, стоял такой же охранник, уперев дуло пистолета в сидящего на перилах Чарли. Увидев его, я захотел ускориться, но подавил и это желание, все еще медленно и вроде бы уверенно приближаясь. Суслик тоже решил показать свое превосходство, хотя как раз он и имел полное право. Выпятив брюшко в полосатой рубашке на выпуск, Суслик упер руки в боки, договаривая своим бульдогам что-то в пол-оборота. Потом все же соизволил повернуться ко мне полностью, одаривая насмешливым взглядом.

– Добрый ночи, сеньор Рикардо! – его голос был совсем не тем, что

я слышал у себя в офисе.

– Где имя мое откопал?

– Я много чего про вас откопал.

– А на кой черт тебе мой черт понадобился?

Он хмыкнул, слегка крутанул указательный палец вокруг своей оси, и за моей спиной появилась тройка серьезных ребят. Дважды звякнули об мостовую дымящие гильзы, а я повалился на землю не в силах удержаться – мне пустили две пули в ноги. Я почувствовал, как ртутная начинка выжигает меня изнутри, уничтожая мышцы и сухожилия. Я приподнялся на колени и, упираясь руками в камень, посмотрел на Суслика. Тот мерзко улыбался, почесывая щетину, продолжая игнорировать мой вопрос.

– А ловко я придумал, да? Мне говорили, что Сатану не обманешь, а я взял и перехитрил... – он посмотрел на меня, пытаясь понять, кто я есть, – дурачка, в общем. Жаль, конечно, что ты не убил того дедулю, и мне пришлось все доделывать самому, – Суслик сплюнул. – Но ты ведь поплелся разбираться в ад! – за моей спиной щелкнул взвоящий курок, и холодный металл уткнулся в затылок.

– Отпусти хотя бы Чарли.

Суслик продолжал меня игнорировать, казалось, он даже не смотрел на меня. Возможно, у меня появилась идея.

– Но благо мои консультанты сказали, что нет истца, – значит, нет и дела. Ладно, – он поправил штаны и полез во внутренний карман за телефоном, – мне еще бизнес в руках удержать надо.

Стукнуло сердце. К плечу Чарли потянулась рука. Чуть скрипнул спусковой крючок. Сложили сошки на винтовках снайперы.

– Ныряй в реку, Чарли! – Я резко сложил руки, обдирая кожу на локтях. Пуля шевельнула волосы, черт, размахивая руками, плюхнулся в реку. Суслик, раздраженно открыв рот, вновь повернулся ко мне, из последних сил я рванул к нему, раскладывая последний манускрипт. Это был мой план Б, моя спасательная капсула: демон, который должен был перенести меня, куда вздумается, в случае неудачи в доме магика. Я уже придумал, куда нам с Сусликом отправиться. Почувствовав, что меня утягивает вниз, словно в водоворот, я схватил ногу Суслика, забирая его с собой.

Меня хорошо приложило об пол. Голова ужасно гудела, будто сдавливаемая невероятной мощности прессом. Купол, лениво поглядывающий на площадь, теперь ошеломленно уставился на нахала, пробравшегося в самое его сердце. Мягко говоря, я был нежелательным гостем. Чувствовалось, как что-то начало перешептываться в голове, поднимая

целые пласты воспоминаний, которые беззащитно лежали на поверхности. Меня прижало к полу, даже любое движение давалось с большим трудом, ноги отнялись совсем. Тело нещадно разогревалось, оказавшись в святом месте, кожа на носу начала медленно облезать. Я совру, если скажу, что не предполагал о таком конце, идя на встречу на мосту. Глаза перестали различать контуры, цвета поблекли, только огонечки свечек оставались для меня цветными. Никто не пел, но я уже отчетливо слышал музыку. Святой воздух с каждым вдохом давался все тяжелее, на языке почувствовался вкус железа, из носа тоненьким ручейком потекла на пол кровь. Я хотел было закрыть глаза, чтобы стало чуточку легче, но услышал треск. Страхивая с себя щепки, Суслик выбрался из-под церковных лавочек. Его нос был изогнут под неестественным углом, один глаз не открывался, из неглубоких ран и царапин сочилась кровь, пачкая одежду, но он все равно встал и пошел ко мне. Прошла целая вечность, прежде чем он добрался до меня – становилось все труднее сохранять рассудок. Его лицо смазалось для меня в одно бесформенное пятно, когда Суслик навис надо мной. Потом я отчетливо увидел, как он достал из-за пояса пистолет и направил мне в лицо. Ну и ладно, я всего лишь старый, усталый человек. На него я был больше все похож. Пусть я умру человеком.

– Думаешь, что я не возьму грех на душу и не грохну тебя в церквушке? – пятно сотрясало пистолетом. – Я никому не позволю себя обмануть: ни тебе, ни даже Люциферу! – Пятно отдалилось, наверное, Суслик встал в полный рост. – Лучше бы ты перенес нас в зал суда.

Невероятным усилием я заставил себя улыбнуться – уголки губ слегка приподнялись. Окаменевший язык упал с неба: «Здесь тебя найдут быстро, а суд только завтра». Я закрыл глаза. Алиса что-нибудь придумает, и Чарли выступит вместо меня, так что это земное недоразумение не отравит жизнь никому из моего отдела. Да и вообще никому. Я был уже совсем готов, но Суслик почему-то медлил. Разлепив веки, я ясно увидел двух крылатых голубоглазых парней, они усердно «паковали» моего Суслика. Белоснежная полицейская форма выглядела довольно странно, но эффектно: с тех пор как такие же офицеры сопровождали меня на брентную землю, ее сильно поменяли. Заметив, что тело еще в сознании, они приложили руки к фуражке мне, один даже подмигнул, а потом, взмахнув крыльями, они исчезли. Я снова закрыл глаза, проваливаясь все глубже, сам не понимая куда. Всё-таки я люблю этот собор. Он невероятно красивый, большое спасибо Филиппо Брунеллески.

Кто-то провел рукой по моему лицу, – почувствовав прохладу, я открыл глаза. Зрение восстановилось. Передо мной сидел монах, точнее, ангел в монашеской одежде.

– Давно вы здесь?

– Я приехал из Рима, сын мой, где-то в двухтысячном году.

– Не дурачьтесь.

Ангел не прекратил мило улыбаться.

– Я спустился с купола, когда почувствовал, что сюда попало что-то лишнее, – он помолчал, – я действительно монах в этом соборе.

– Вы следили за мной.

– Только когда ты поехал за Чарли.

– Зачем?

– Потому что за тобой интересно наблюдать, – он встал и принялся обходить меня вокруг, – ты думаешь, что рай закрыт для тебя навсегда, и тебе рады только в аду, но это не так.

– Мне даровали амнистию?

– Нет, конечно, нет, – ангел хихикнул в кулак, – ты можешь даровать ее себе сам, а потом пойти, куда захочешь. Только надо выбрать курс, а не топтаться на месте.

– А если...

– Оставаться человеком не значит топтаться на месте. Когда яблоко зреет на дереве, его не сбивают на землю раньше времени. Оно само знает, когда упасть. И ты волен идти, куда хочешь, и я тоже.

– У меня плохо получится идти.

Он склонился над моими ногами и надавил пальцами в пулевые ранения. Резкая боль сменилась ощущением силы и бодрости. Пошатываясь, я встал. Первые шаги я сделал, опираясь на лавочки, а потом медленно поковылял к двери. Собор давал мне уйти, снисходительно осматривая. Монах пошел к алтарю. Я понял, что должен задать один вопрос именно ему:

– А то, чем я занимаюсь?

Ангел опять улыбнулся.

– Скажу тебе по секрету, что я сейчас пойду в бордель, – я пошатнулся так, что едва не упал, он принялся размахивать руками, – обращать проституток на путь истинный, – лукаво улыбнулся. – Хотя я могу лишь в порыве страсти донести до нее некоторые истины. Удивлен? Некоторые мои коллеги тоже – они предпочитают проповедь. Тут уж кто как хочет, ему, – ангел многозначительно закатил глаза, – важен результат. Если закроешь свое дело, то, конечно, окажешься «наверху» намного быстрее.

Ангел начал отдаляться – что-то выталкивало меня из собора. Я не стал сопротивляться.

Я решил сесть прямо на мостовую. Обожжённое тело немного болело, но в целом было хорошо. Кто бы мог подумать, что за десятки лет

что-то еще щелкнет в моей голове? Да и к тому же все остались живы, я даже в соборе побывал, увидел изнутри. Я посмотрел на купол, он на меня. Я больше не прятался от него, хотя дискомфорт определенно ощущал. Закурив, я решил проверить Чарли. Набрал его номер, он ответил быстро.

– Как вы, босс?

– Лучше бы ты не пошел тогда с той официанткой.

На том конце раздался истеричный и наглый смех.

– Значит хорошо, босс!

Я сделал затяжку, проглотил дым.

– Чарли, мы закрываемся.

– Совсем? – он не скрывал разочарования и, скорее всего, даже обиды на меня.

В голове всплыли уютная комната на втором этаже, приятная американская кафешка, пара чертей из отдела и свежий поцелуй с Алисой. «Никто не сбивает яблоко раньше времени».

– До понедельника, Чарли, до понедельника.

Он расслабленно выдохнул.

– Давай махнем в Рим, я знаю хорошую пиццерию.

– Жду на вокзале, босс! – он сбросил.

Не выпуская сигарету изо рта, я встал, засунув руки в карманы дырявых брюк, зашагал к вокзалу. Благо, мне недалеко.